

ЛАРИСА РОМАНОВСКАЯ

ЗАХОЛУСТЬЕ

• ПОКА Я ЗДЕСЬ •

WBOOKS!

Лариса Андреевна Романовская
Захолустье. Пока я здесь
Серия «Захолустье», книга 1
Серия «Фэнтези нового
поколения. Захолустье»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68322334
Захолустье. Пока я здесь: АСТ; М; 2022
ISBN 978-5-17-151642-0

Аннотация

Лариса Романовская – автор подростковых романов и повестей, лауреат конкурса «Новая детская книга», четырёхкратный финалист и лауреат премии «Книгуру».

Романом «Пока я здесь» открывается новый подростковый цикл, повествующий о загадочном и таинственном мире Захолустья – таинственного городка, где свет и тепло вырабатывается за счет человеческих эмоций. Эмоции становятся предметом торга, причиной для раздоров, самой желанной наживой для злоумышленников. Сможет ли девочка Вика, пришедшая из нашей привычной реальности, что-то изменить в этом хрупком мире?

Содержание

Часть первая	7
Глава I	7
Глава II	40
Глава III	58
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Лариса Романовская

Захолустье. Пока я здесь

© Романовская Л., 2022

© Савояр С., иллюстрации, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Посвящается Алексею Копейкину

*Исполни свой долг, Джонни.
Стивен Кинг, «Мёртвая зона»*

Часть первая

Глава I

1

Если я не начну это записывать, то сойду с ума. Я прове-

ряла.

Я больше не могу лежать и смотреть, как на стене танцуют тени. Ветер как музыка. Тени листьев обнимают тени яблок... Тут первый этаж, снаружи яблоня. Август.

Уже август, а был июнь. Шестое число. Рассвет. Я в ту ночь почти не спала, потому что было слишком волнительно и переживательно. Уснула в папиной машине сразу как села. Даже когда мы ещё не поехали. А потом был белый дым за лобовым стеклом.

Дым. Это особенное слово, оно что-то значит, специальное, не то что на самом деле.

Дым.

Дым – это я. Не понимаю, почему так. Но вот знаю. Дым – это я. И мне очень спокойно от этого. И тогда, в машине, я смотрела сквозь разбитое стекло и думала «Дым». А уже потом, когда мне помогли вылезти, когда посадили на бордюр, я испугалась... И всё забыла. Сейчас вспоминаю, но оно кусками, какое-то рваное... И улетает. Как дым, да. Как сон.

Я заснула, когда мы с папой ещё не выехали с дачи, а проснулась посреди пустой серой дороги. Я сидела на переднем сиденье. За рулём папы не было, за стеклом поднимался дым из нашей машины. А самого стекла тоже не было, но я это не сразу поняла.

Мне кажется, я помню, как мы врезались. Я не хочу этого помнить, но помню.

Было шестое июня, раннее утро. Мы ехали с дачи в Москву. Мне очень надо было в Москву. Папе на работу, а мне по моим делам, они мне тогда казались очень важными.

Если бы я так не думала, я бы осталась на даче. И сдала бы экзамены в гуманитарный лицей на «Славянском бульваре». Были бы каникулы, пришли бы результаты. И я бы поступила в десятый гуманитарный! Наверное.

А сейчас просто конец августа. Я лежу на террасе, смотрю, как на стене тени танцуют. Узкие тени – листья. Овальные – яблоки.

Это яблоня. Тут первый этаж. Значит, это дача.

В Москве будет шестой этаж. В больнице был не помню какой, я там смотрела в потолок и стены, а потом меня забрали.

Это было в июне. Сейчас август. Мне приходится себе напоминать, какой месяц и где я. Я себя не очень хорошо помню. Что было раньше – нормально, а что сейчас – нет.

Я Вика, мне пятнадцать, у меня есть мама, папа и собака. Это я помню.

А про лекарства не помню. Мама всё время говорит *Вика, пей таблетки, Вика, пей таблетки*, а мне кажется, что я их уже пила. Но мама показывает коробочку с клапанами, там четыре отделения, в каждом гремит, на клапанах большие буквы «У», «Д», «В», «Н» – «утро», «день», «вечер», «ночь».

Я сплю часто, поэтому не понимаю, когда утро, а когда

день. Не могу соотнести свет и время, время и место.

Раньше было ещё хуже. Раньше я вместо реальности помнила то, чего не было на самом деле. Про Юру, про белый Экран, про то, как от меня всё зависит.

Наверное, когда папина машина врезалась в чужую машину, мне снилось про Экран и про Захолустье. Если резко проснуться, то в последнюю секунду увидишь очень многое, целую историю; только она оборвётся...

Про Юру и про Экран – это такой вот сон. И я из него проснулась прямо в середине аварии. Дым за стеклом, осколки, папы рядом нет. А впереди чужая машина, так близко, как не бывает на самом деле. Я тогда закрыла глаза, и Юра снова сказал, что если мы не сделаем, то никто не сделает.

На самом деле его не Юрой звали. Имя похожее, но я не расслышала. Во сне я уже оказывалась посреди чужих важных событий, и все знали, что было и что скоро произойдёт, а я нет. И я знала, что нельзя подавать виду, а то проснёшься...

Ну вот, с Юрой было именно так. Я не смогла как следует расслышать его имя, но оно было похоже на «Юра», и если быстро произнести, то не заметят, что неправильно... Будет сокращённо и поэтому неразборчиво. Как, например, «Ксансана» – Оксана Александровна. Я сейчас не помню, кто это. Кто-то из школы или из больницы. Или из полиции.

Но про Ксансанну мне не важно. Мне надо понять про

Юру, про Экран и про то, что я тогда видела. Я понимаю, что это сон. Я спала, когда папа врезался. И поэтому сон так сильно запомнился, а потом никак не мог закончиться. Просто сон.

И сотрясение мозга.

И страх.

И лекарства – от головной боли, от давления. Чтобы стены не кружились, чтобы мозги лучше работали, чтобы глаза лучше видели, чтобы в ушах не звенело, чтобы спать, ничего не боясь.

Авария, лекарства. Юры не было. Никакого Экрана не существует. От меня ничего не зависит.

Но почему тогда после июня я помню сразу конец августа? Почти три месяца пропущено. Он столько и просил, и ему неоткуда было взять. Но я же не могла ему своё время передать: это же не яблоко дать откусить, не шоколадку отломить. Там всё сложнее, я даже помню, как именно.

– Вика, таблетки!

– Мама, я уже...

– Не уже. Это было после завтрака. Пей сейчас!

Мама показывает коробочку с клапанами. Там, где «У», пустой отсек, там, где «Д», лежат таблетки. А я была уверена, что выпила их... Мне поэтому и кажется, что я сошла с ума. Сон и реальность совпадают в деталях, складываются, как пазлы.

Я попробую записать, чтобы не забыть и не запутаться. Очень тяжело столько набивать на мобильном, пальцы уже устали, но мне надо, я больше не могу просто слушать, как тень яблони по стене шуршит.

Мы на даче. За окном яблоня. С неё падают яблоки. Мама посмотрела, как я пью таблетки, и пошла собирать эти... падаль? пальцы? Не помню, слово похоже на «повидло». О, вспомнила, это вроде бы называется «падальцы». Раньше бы меня отправили за падальцами. Но сейчас мама сама. Там солнечно и ещё почти тепло. Мама на улице, и Мелочь, разумеется, тоже. Меня никто не трогает, мне никто не мешает. Мне никто не заглянет в телефон, не узнает, про что я пишу.

Я знаю, что это мне приснилось. Но если всё-таки нет? Если нет, то от меня очень многое зависит. И я не знаю, получилось ли у Юры то, что он хотел, смогла ли я ему помочь? Если он мне снова не приснится, я об этом не узнаю. Никогда.

2

Момент, с которого я помню: мы с Юрой идём по городку. Юра рассказывает, как у них что устроено. Ощущение помню, свою радость: мне специально про всё говорят, значит, Юре важно, чтобы я нормально ориентировалась. Он обо мне заботится...

Вот, мы идём, Юра говорит, я киваю. Я должна всё за-

помнить, но я не слушаю, а смотрю. Хороший городок, но не очень настоящий. Как будто нарисованный, как из мультфильмов Миядзаки, ярко, но не приторно. Все дома невысокие, красивые. Вокруг клумбы, флюгеры, деревья. Листья, плоды и лепестки. Одни деревья осыпаются, другие цветут.

Почти вечер. Солнце пока не очень низко, но скоро уйдёт за горы.

Тут горы вдальеке. Много синего ветра. И золотого ветра тоже. Это когда одновременно ветер дует, солнце светит, небо ясное, листья шуршат. И в солнечных лучах что-нибудь бликует золотом: вода в фонтане, форточка в окне, зеркало в машине. Вот, машина мимо проехала. Всего одна и непривычная, у неё на крыше багажник очень странный, блестит как зеркало.

Этот город немножко ненастоящий, потому что тут людей почти нет, только мы с Юрой. Если мы на улицу сворачиваем, она сперва пустая, а уже потом начинается движение.

Женщина в сад выходит, ребёнок на самокате проезжает, но они вдальеке, лиц не разглядеть, будто их не прорисовали; собака лает так, будто её включили, сняли с паузы. Очень знакомо лает, звонко, как Мелочь, когда я из лифта выхожу... и от этого хорошо, спокойно. А вот ещё одна машина появляется – тоже вдальеке, сворачивает во двор. У неё тоже на крыше вместо багажника зеркало.

Это на мультик или на спектакль похоже. Как будто перед нами крутящаяся сцена, и вот она повернулась, и теперь нам

показывают новый кусочек декорации, и там второстепенные персонажи разными делами заняты, но только когда мы на них смотрим. А когда мы отвернёмся, они замрут и не будут шевелиться.

Я вспомнила большой макет города в каком-то музее – там тоже разные мелкие детальки двигались, поезд ездил и мигали огоньки. Но вспоминать сейчас было нельзя, я бы отвлеклась на реальность, проснулась.

– Дым, тебе всё понятно? Энергия идёт от Экрана. От него у нас свет, тепло, вода. Если ярких воспоминаний нет, то энергии почти нет. Ясно, Дым?

Юра смотрел на меня, и я должна была ответить «ясно», потому что он обращался ко мне. Значит, Дым – это я. Непонятно почему. У меня никогда не было такого никнейма. И от моей фамилии ничего такого невозможно образовать.

На самом деле это звучало не как Дым, а похоже. Ну, как Юрино имя – с теми же звуками, просто значит совсем иное. И звучит не «Юра», но близко. «Йуула», наверное. Я произносила быстро, а то и просто говорила «Йуу»... И он откликнулся. Но это было потом. Когда я уже не гадала, кто я теперь и почему именно здесь.

– Ясно, Дым? Чем ярче воспоминания – тем ярче Экран.

– Ясно. – Во сне я говорила иначе, будто свой голос со стороны слышала. Я – Дым.

– Дым! Ну ты чего, боишься, что ли? Чего ты, как... – Юра сказал непонятное слово, я не разобрала.

Мне показалось, мы с ним на ином языке говорили. И я иногда этот язык хорошо понимала, а иногда не очень. Наверное, если по-настоящему выучить иностранный, то так оно и будет. Я не успела ответить. Я, наконец, увидела Экран.

Было даже непонятно, почему я его раньше не замечала – он же такой огромный, и мы всё время шли так, что он должен был быть впереди. Наверное, это тоже как со сменой театральных декораций. Пока зрители смотрят на одно, им незаметно меняют картинку, подсовывают другое.

Ну вот, мне подсунули Экран.

Он был большим. Высотой с многоэтажку. На фоне маленьких нарядных домов Экран выглядел мощно и грозно. Гигантская серая стена. Наверное, именно такие называют глухими. Но эта стена будто слепая была. На ней ничего не видно. И она ровная. Как серая скорлупа. Сейчас трещинами пойдёт. И сразу на куски разломается, нас ими накроет.

Но Экран вдруг замигал добрым оранжевым светом, с искрами и с переливами. Как море, когда в него солнце садится. Может, он как раз солнце и отражал – оно висело над горами, совсем точно напротив. Мне даже показалось, что Экран медленно разворачивается, тянется за солнцем, как подсолнух.

«Чем ярче воспоминания – тем ярче Экран».

На нём теперь были не волны, а кадры. Седой человек обнимает женщину, к ним бежит ребёнок, они вместе сидят на скамейке – всё такое радостное, как в рекламе. Сейчас

должны показать упаковку мороженого. Или туалетной бумаги. Но это не реклама, а клип из воспоминаний этого человека: вот он стоит на трибуне и что-то говорит, а вот выходит из машины, а вот бежит по зелёной траве и тянет за собой тележку, а в тележке сидит ребёнок, хохочет... и человек останавливается и тоже хохочет. А вот он целуется с женщиной...

Я отвернулась. Поняла, что улица, на которой мы стоим, стала совсем живой. Из домов вышли люди, из машины пассажиры. Собака неожиданно выскочила на проезжую часть, но с ней ничего не случилось, потому что все замерли и смотрели на Экран.

Как будто то, что там передавали, было очень важным – экстренной новостью, чрезвычайным событием. Но не несчастьем, а наоборот. Ну, может, на салют так смотрят – у нас там, в моей реальности. На салют или на куранты на Красной площади, когда они бьют. И ещё мама на свои музейные картины смотрит так, будто ей чудо показывают в прямом эфире.

Я не понимала, что необычного... Что такого важного в этих воспоминаниях. Ну, наверное, они были счастливые – самые счастливые для того человека. Но это же его, не мои. Ну или, может, этот человек – кто-то очень важный. Местный президент. Или актер, как мой... Я вспомнила про Ж, совсем счастливое...

Но тут Юра шевельнулся. Мы стояли совсем близко – так,

чтобы удобно было говорить на ходу. А Юра вдруг придвинулся и схватился за меня, сильно и резко, будто поскользнулся в гололёд. Но сейчас было сухо, мы стояли на красивых розовых плитках. По ним шуршали листья и лепестки. Я опустила голову, отвлеклась.

Юра тяжело задышал и что-то забормотал, очень яростно – так зрители и болельщики умеют, я сама так бормотала, когда впервые смотрела финал того мюзикла. «Давай, давай же, ну, ну, ааааа...» Я тогда смотрела с мобильного, на перемене, и тут звонок на... на химию? На физру?

Понимала: начну вспоминать про школу или про мюзикл, сразу притяну к себе реальность, проснусь. А я не хотела! У меня тут всё только начиналось.

Я ещё не разобралась, почему меня зовут Дым, для чего я здесь оказалась. И мне Юра самого важного не объяснил, он же не просто экскурсию водил, как моя мама по своему музею, он мне показывал условия, я должна тут что-то сделать. И, наверное, нельзя было говорить, что я не знаю, чего от меня ждут, – это тоже условия сна. Законы жизни в этом непонятном месте.

В общем, я тоже стала смотреть на Экран. Тот человек, про которого нам показывали, был пожилым, в очках. И я никак не могла вспомнить – его раньше показывали в очках, с сединой? Или это... старость такая... конец фильма?

Я вдруг начала плакать. Будто меня переключили в режим «слёзы». Я смотрела на Экран, не отрываясь. Больше не за-

мечала других людей, собаку на проезжей части, машин, у которых зеркальные багажники сияли как фары.

Я на ощупь обхватила Юру. Он держал меня за плечи, а я его – за спину. Крепко держала, будто тоже боялась упасть. И мы оба плакали и кричали что-то, похожее на «ура», как кричат в полночь в Новый год. Только мы кричали другое, на том языке, который я то понимала, то нет.

Было какое-то невозможное счастье. Мы в нём будто отогревались, как в ванне зимним вечером. И было страшно думать, как мы друг на друга посмотрим, когда это закончится.

Я видела лицо Юры в отблесках Экрана. Я не могла понять, Юра («Йуула»!) был старше меня или младше, выше или ниже. И какие у него глаза. И вообще лицо. Красивый он, нет? Оказывается, это совершенно неважно.

Тёплая золотая волна. На Экране лицо пожилого мужчины растворяется во всеобщем счастье. И потом Экран становится белым. Ярко-белым. Как открытый текстовый файл в моём мобильнике. Как стена, на которой больше не видно тень яблони.

Мама входит в дом с ведром яблок, а наша Мелочь бежит впереди, путается в маминых резиновых сапогах, рычит тонким голосом, трясёт рыжим мохнатым хвостом... Смешной.

Наша Мелочь – парень, кобель. Он правда очень маленький, метис пекинеса и кинг-чарльз-спаниеля, он – Мелочь, и мы его иногда в женском роде называем, потому что он наша

мелочь любимая...

Мне кажется, там, во сне, который я попытаюсь вспомнить целиком, Мелочь тоже был. Он иногда появлялся из неоткуда, в самых неожиданных местах и ситуациях. И его там тоже все любили. И это был как будто сигнал, признак того, что место, которое мне снится, не совсем сон, иначе собака туда не попала бы. Но я не уверена, это там было или будет... Путаюсь.

– Вика, таблетки. Ужинать скоро будем. Перед едой надо. Выпей, Вика.

Вика – таблетки, Вика – таблетки... Мне очень интересно, почему там, во сне, меня звали Дым? И что это слово значит на том языке? Может, это просто перевод? «Виктория» – это «победа». А на том языке «Дым» – это как раз тоже «победа»?

– Викуша, ты что сейчас сказала, повтори?

Мама смотрит на меня, как в больнице, когда она меня забирала под расписку. Но сейчас-то чего переживать? Я просто сказала:

– Мелочь, ну куда ты грязными лапищами?

А мама вздрогнула и перекрестилась. Испугалась. Чего?

3

Мы с Юрой расцепили руки раньше, чем Экран перестал мерцать. Стояли, стараясь не касаться друг друга, и смотре-

ли, как Экран сереет, будто море после захода солнца. Улица стала вдруг тоже почти пустой, хотя солнце ещё не коснулось гор. Но люди разошлись, вернулись в дома, в машины. Поливалка для цветов заработала сильнее. Собака убежала, её, наконец, позвали, крикнули, приоткрыв дверь. И она умчалась. Как-то очень быстро, собаки с такой скоростью не бегают вообще-то.

Но во сне так бывает – ненастоящая скорость движения. Облака по небу летели, будто их в быстром темпе проматывали. Мне показалось, что флюгеры на клумбах и крылечках стали теперь крутиться сильнее. В общем, все зашевелились... в ускоренном режиме. Темнело.

А я не знала, что делать. Неудобно было на Юру смотреть и очень этого хотелось. Мне казалось, что я не помню, как он вообще выглядит. Ну вот чего я раньше не могла его разглядеть, ещё до объятий?

– Дым, хочешь что-нибудь спросить?

У Юры был теперь другой голос, уставший и тихий. И лицо, наверное, тоже такое... Но я не могла посмотреть. Я спросила, как называется городок.

Юра ответил – быстрым, кратким словом, похожим на птичий свист. Я понимала, что оно значит. «Захолустье». По-русски не так стремительно звучит и слогов больше. Но я тогда не считала слоги. Я испугалась – вдруг Юра сейчас поймёт, что я не та, за кого он меня принял. Меня ведь не Дым зовут, а Вика. И я ничего про Экран раньше не пони-

мала, я вообще не знала, что он такой есть. А вдруг меня из-за этого отсюда выгонят? Мне и раньше снились сны, в которых надо было скрывать что-то. Но вот таких интересных не было ни разу. А если я проснусь до того, как выясню, что тут вообще...

– Ещё вопросы, Дым?

– Что я должна сделать?

Теперь я смотрела на Юру. Кажется, он был как я. Не старше и не младше. И какой-то абсолютно обычный. Будто мы с ним всё детство знали друг друга. И то, что мы совсем недавно обнимались, это... Как будто вообще к нам с ним никакого отношения не имело. Это было не важно.

– Ты должна сдать эмоции для Экрана. Он сейчас работает в половину мощности. Ресурса мало, хватает по минимуму. Сейчас сама всё увидишь.

Юра очень понятно объяснял – как физику или алгебру, как любой предмет, в котором он разбирался. Это были не выученные слова, а настоящие, со смыслом. И я всё понимала. Про Экран, про городок Захолустье при нём. Про то, как в этом мире устроена система энергоснабжения. Совсем не как у нас.

Вот этот Экран – внешняя часть энергостанции. А сама энергия берётся из эмоций, из воспоминаний, из переживаний.

Тут я поняла, что у меня глаза слезятся и щёки щиплет, потому что я плакала, когда на Экран смотрела. Оказывает-

ся, мои слёзы – это не стыдно, а тоже часть энергосбора.

Некоторые люди сдают на станцию свои воспоминания, ну как в нашем мире донорскую кровь сдают. Только процесс иначе выглядит. В общем, одни делятся своими воспоминаниями и эмоциями, а другие на это реагируют. Эмоционально. А Экран эту реакцию ловит и тоже перерабатывает – в свет, в тепло, в электричество, в излучение, им больных лечат, например. Это я поняла.

У каждого городка свой Экран или даже несколько. Мощность у них разная. В больших городах Экраны сильнее. А в Захолустье много не нужно, такому маленькому городку достаточно пары сильных воспоминаний каждый вечер. Но у местных жителей не очень много ярких событий. Поэтому эмоций надо побольше, все их сдают. И мы сейчас тоже пойдём сдавать воспоминания. Это совсем не страшно, Юра так много раз делал.

Я кивала, соглашалась – мне было страшно и весело, как на аттракционе. Тем более впереди действительно был аттракцион.

Улица, по которой мы шли, вывела на набережную. Теперь справа от тротуара была не проезжая часть, а яркая закатная вода. Её от нас отделяла металлическая ограда. Пока мы дошли до причала, вода стала почти чёрной. А небо – серым, а потом тоже чёрным.

Не река и не озеро, а морской залив. И через него к Экрану и дальним горам вела канатная дорога. Длинная и мед-

ленная.

Кабинки светились в закатном воздухе. Они были праздничные, яркие. Одновременно похожи на воздушные шарики и на ёлочные. Их отражения мигали в воде оранжевым, белым. А в ответ из сумерек мигали бакены, зелёным, малиновым и тоже белым. И что-то ещё гудело, с перерывами. Может, сигнал маяка? Это было монотонно, но совсем не тревожно.

Не хватало только музыки – тоже праздничной и немного грустной. Саксофона или скрипки.

От воды здорово пахло чем-то холодным, свежим, как арбузом и снегом одновременно. Воздух был такой настоящий, что я испугалась. Обычно во сне не бывает запахов – таких резких точно не бывает. Нельзя про это думать, а то... проснусь.

Ограда кончилась. Впереди был длинный перрон, как на вокзале. Кажется, перрон у воды – это пирс. Под стеклянным навесом стояли в очереди люди. Кто-то разговаривал, кто-то книжку читал. Ни у кого из них не было мобильных. Люди просто стояли, ждали своей кабинки. Тихие спокойные взрослые люди. Кажется, мы с Юрой были тут самыми младшими. Я разглядывала всех и молчала.

Я сейчас была частью тайны, мне это очень нравилось. Я ничего не боялась, я знала, что впереди будет что-то совершенно чудесное, пусть даже и слегка страшное, и что я с этим страшным справлюсь. Я не сразу заметила, что стою в оче-

реди одна. Куда делся Юра? Зачем?

Ко мне подошла рыжая женщина в ярко-голубой куртке. На её нагрудном кармане была нашивка – серый прямоугольник, внутри перевернутая зеленая капля, а в ней солнце. Женщина протянула мне конверт – непривычный, короче и шире обыкновенного. Внутри была сложенная гармошкой инструкция, непонятные слова и картинки.

Тут алфавит как в греческом языке, где часть букв как у нас, а часть – нет. Но это не греческий. Другое что-то, некоторые буквы зеркально перевернуты. Точно «ю» и «г». И ещё «у» вверх ногами. И знак бесконечности, восьмёрка на боку, он часто встречался в словах...

Я эти буквы вдруг начала понимать. А потом слова. Что такое слово значит, как оно читается, как его произносить. И стало понятно, что здесь происходит.

Эта очередь к Экрану. Люди едут по канатной дороге через залив вверх, на гору, там пункт приёма воспоминаний. Конверт нужен, чтобы сесть в кабинку и чтобы потом в здание войти. В конверте – инструкция по сдаче воспоминаний, она очень простая, и там картинок много. Это как со спасательным жилетом в самолете. Всё и так понятно. А если чего непонятно, то можно спросить любого дежурного в ярко-голубой куртке – например, ту рыжую женщину...

Но мне не хотелось ничего спрашивать. Очередь двигалась быстро, на платформе было ярко и спокойно, от воды пахло остро, холодно, маяк гудел... Если тревога и была, то

праздничная, как перед спектаклем.

Я ещё раз перечла инструкцию. Воспоминания, которые я сдам, от меня никуда не денутся, я их не забуду, – про это несколько раз писали, на каждой страничке. Наверное, это был самый задаваемый вопрос. Интересно, как это – сдавать воспоминания? Что при этом чувствуешь? На тебя все смотрят? Ты людей радуешь, да? Они смотрят твои воспоминания, обнимаются, плачут от счастья, как мы с...

Юра! Я забыла про Юру! Он куда-то делся. Отошёл? Исчез? Но я не стала из-за этого беспокоиться. У сна свои законы... Испугаешься – проснёшься! Не стоит.

Вдруг замигал свет. Сперва кратко, как в вагоне метро, когда поезд подъезжает к станции. Потом очень ярко вспыхнул на секунду и снова погас. Совсем.

Почти сразу под стеклянным потолком загорелись длинные лампы – мягко, таинственно. Люди не паниковали, рыжая женщина в голубой куртке (куртка сейчас чуть светилась) громко объясняла, что это всё «по техническим причинам». У Экрана сейчас мало энергии, бывают перебои. Все к этому очень спокойно относились. Очередь двигалась, кабинки канатной дороги забирали пассажиров, я ждала, когда же моя очередь. Ну скорее бы!

И вот я в кабине! Она довольно большая. Шесть кресел. В середине стол – чёрный, круглый. На него нельзя ставить вещи и класть руки – про это специальная картинка есть, наклеена на стену. Я смотрела на чёрную поверхность. Глад-

кая, блестит, как крышка у рояля. Кабинка поплыла вверх. Мелькнул перрон, людская очередь, голубая куртка женщины-инструктора. Был виден круглый бок другой кабинки, той, что поднялась в воздух до меня. Там за таким же чёрным столом сидели люди с конвертами в руках. Кто-то в окно смотрел, кто-то разговаривал.

А я была одна! Внутри прозрачной яркой кабинки, как внутри гигантского ёлочного шара. Этот шар плыл над чёрной водой, отражался в ней оранжевым и белым. Я поднималась вверх и радовалась тому, что одна, и пела – громко, меня никто не слышал и мне никто не мешал.

Я знала, каких эмоций от меня ждёт Экран.

4

Я догадалась, чего от меня хотят. Им нужно моё счастье.

Такому большому Экрану это нужно, самому Юре, всем людям, которые стоят в очереди, рыжей женщине-дежурной. Я им всем могу помочь! Мне это будет несложно!

Я – счастливая. Я отчаянно, нереально, невозможно счастливая. Я сейчас счастливее всех на свете. Я же сегодня иду в театр... И я увижу его выступление, вживую... И подарю ему цветы. И автограф попрошу. И всё!

Я не буду ему в любви признаваться. Я просто счастлива от того, что он есть. Мне достаточно на него смотреть – на официальных видео и тех, что у него в аккаунте. А сего-

дня будет вживую! Смотреть и молчать. Мне совсем не надо, чтобы он об этом знал, хотя, мне кажется, он догадается. Он есть, и я его за это люблю. И я счастлива.

И этого моего счастья так много, оно такое огромное и яркое, что я сейчас заряжу им Экран целиком и полностью, на сто лет вперёд. И спасу весь этот мир. Мне совсем не жалко!

Даже внутри моего сна я всё равно помнила, что у меня на самом деле впереди. Внутри меня счастье звенело тонкой нотой – как в телефоне, когда лайкаешь... его фотографию, его пост. Запись, на которой он есть. Новость о том, что шестого июня он приезжает на гастроли, что будет в Москве. Увидит мой родной город, сделает его своим – на несколько дней, навсегда. Я потом буду ходить и знать: он здесь был, он смотрел на стены театра, он поднимался вот по этой лестнице, он брался за эту ручку, он спускался по эскалатору на этой станции метро... И они все будут совершенно прекрасными, яркими, будто подсвеченными изнутри...

Шарик канатной кабинки плыл над чёрной водой. Я сидела за чёрным столом. Я пела от счастья. А внутри себя я танцевала. Мне казалось, что чёрный стол – это сцена, и чёрная вода – это сцена, и если бы прожектор маяка и ещё какие-нибудь лучи скрестились – в воздухе, над водой, – то в этой точке возник бы он, изображением или настоящий, я даже не знаю, как лучше.

И тут снова стало темно. Совсем темно, резко, вокруг.

Не светилась моя кабинка, внизу больше не мигали фона-

ри, погасла вывеска на длинной платформе... И другие кабинки перестали светиться. И вообще всё.

Было слышно, как ветер бьётся о стекло. Я болталась на большой высоте. Одна. В шарике типа ёлочного, почти таком же хрупком. И это...

Это была ерунда какая-то! У меня вечером его концерт, я не могу опоздать, не могу не попасть... Да я вообще сейчас проснусь!

Я помнила о том, что сейчас проснусь. Но в соседней кабине вдруг раздался крик. Я не могла разобрать ни слова, даже если бы язык знала в совершенстве. Но это был крик ужаса. Кричала женщина.

Темнота не была сплошной. Я теперь различала другие кабинки – впереди и сзади, соседнюю чётче всего, она сильно раскачивалась. Там двигались фигуры, мне казалось, что кто-то пробует открыть дверь, а другие его оттаскивают. И кричат. А тот, кого они оттаскивают, упирается и мотает головой... Волосы длинные, чёрные... Женщина. Это её крики так слышно!

Мне стало лучше видно, что там происходит. Будто фигурки людей чётче нарисовали. Это включилось аварийное электричество – блеклое, серое. Но с ним стало спокойнее.

Внизу, на воде, мигали бакены. И маяк вспыхивал, подвывал. Главное, не замечать, как снаружи стучит ветер. Вообще, если я захочу, я отсюда проснусь. Но прямо сейчас проверять не буду. Мне кажется, это такое испытание, не знаю,

каких именно качеств.

Я села в кресле поудобнее, проверила ремень безопасности. Стала смотреть на чёрный лакированный стол.

Обычный такой стол. Он где угодно может быть. На даче в беседке. В школьной библиотеке, мы за таким читали по ролям пьесы. В... в театральном буфете. Я перечисляла всё подряд, что в голову взбредёт... Мне всегда такое помогает...

Потом я представила, что чёрный стол – это сцена. И на ней сейчас он... Мой актёр! Он сам, просто крошечный. И я прямо отсюда перенесусь в театр... Я же на самом деле еду в машине, и мне всё это снится. Я не буду спрашивать «пап, я сплю?», потому что, если папа ответит «да, спишь», его ответ как раз будет не во сне, а в реальности. Это нелогично.

Стол чуть дёрнулся. Серый аварийный свет стал оранжевым, нормальным. Канатная дорога снова ожила, мыплы туда, вверх, к Экрану. Он становился крупнее и больше, ближе. Было видно, что сейчас он тоже светится, слабо, ровно, спокойно. Он правда огромный, можно было разглядеть какие-то швы, шурупы на обшивке, провода... И слышать гудение, будто от гигантского холодильника, даже уютное... Это звук счастья. Это эмоции становятся энергией.

Мне нравился этот звук. И было жалко, что полёт над чёрной водой сейчас закончится. Приближалась платформа, совсем не такая широкая и нарядная, как там, на берегу. Соседняя кабинка причалила, оттуда быстро выбрались пасса-

жиры – среди них та женщина с длинными чёрными волосами, которая кричала, визжала и хотела открыть дверь. Женщина не могла сама нормально выйти, ей помогли сотрудники в синих куртках.

Моя кабинка подплывала к платформе. Дверца отъехала в сторону, надо отстегнуть ремни, шагнуть наружу, меня там подхватят, помогут...

Человек в ярко-синей куртке смотрит на меня, протягивает руки, я шагаю... Сосредотачиваюсь на том, что надо сделать шаг, перенести ногу над узкой полоской пустоты. Потом вторую ногу. Я вижу только свои ноги и вот его ладонь ещё. У меня вдруг начинает очень сильно болеть голова, прямо сквозь сон, сквозь волнение... Я слышу резкий звук, но не знаю, что произошло и где именно – тут или в реальности...

– Молодец, Дым! – говорит мне Юра.

Йуула.

Это именно он меня вытаскивает из кабинки. На нём ярко-синяя куртка с нашивкой. Я не знаю, как Юра здесь оказался. Мы же расстались на берегу. Но это сейчас не важно. Я не испугалась. Я выдержала. Меня можно допускать к Экрану. И у меня всё получится.

5

Экран виднелся впереди – огромный. Мы пошли от канатной дороги к двухэтажному дому, похожему на автовок-

зал. Дом приближался, а Экран будто нет.

Я не помню, говорили мы или молчали. Сейчас кажется, что говорили. О такой ерунде, которая успокаивает. Перед началом школьного спектакля так было – когда волнуешься, но радость хорошая, не страшная, и ты ей вроде даже наслаждаешься. Юра мне что-то такое тоже говорил. А я смотрела на него и не могла понять, на нём раньше была эта ярко-синяя форменная куртка или нет? Я хотела спросить, как раз время, подходящее для разной ерунды. Но мы подошли к порогу этого типа вокзала, и Юра мне махнул рукой, дальше давай сама, а ему надо обратно на платформу, встречать другие кабинки... Оказывается, он сотрудник энергетической станции. Вроде я должна была это знать.

...Я вошла внутрь, одна. Мне казалось, тут будет сцена, и все будут выходить, как к микрофону, и что-то говорить, как на стендапе, а Экран потом их воспоминания покажет. Но тут оказались коридоры с кабинетами, как в школе или в поликлинике. Мне надо было из конверта вынуть ещё одну бумажку, типа талончика, на ней прочесть номер кабинета. По коридорам люди ходили, я их раньше видела в очереди на канатную дорогу. А в кабинете, куда я вошла, была та женщина с чёрными волосами, истеричка из соседней кабинки.

Только сейчас она не истерила. Она сидела в кресле, похожем на самолетное. И перед ней, тоже как в самолете, был маленький экран, на таком во время длинных рейсов фильмы можно смотреть...

В кабинете рядами стояло несколько таких кресел, одно свободное. Я туда села. С моего места были видны экранчики остальных доноров.

Та женщина, которая кричала в кабинке, сейчас показывала на экранчике свой страх крупными кадрами. И её экранчик сиял, закачивал энергию. Мне было слышно, как он урчит. Ему ведь можно передавать любые яркие эмоции, не только хорошие. Сильные!

Я села ровно, как в инструкции было нарисовано, стала смотреть в свой экранчик. Представляла мысленно сегодняшний вечер в театре, то, как я увижу Ж... его... моего актёра! Но экранчик не загорался, на нём ничего видно не было. Ну да! Это же мечты, а не воспоминания.

Тогда я вспомнила, как случайно увидела его выступление... Сперва – отрывок из мюзикла, в одном обзоре. Как он там играл, и как я волновалась и не могла поверить, что так можно играть, невероятно, и как я весь вечер поиском смотрела про него, про его фильмы и спектакли... Как он однажды выступал в Америке, на каком-то театральном фестивале, и можно было смотреть спектакль в прямом эфире на канале фестиваля. У нас было три часа ночи! У меня был обратный отсчет в телефоне, я неделю ждала, и в этой неделе каждая секунда отсчёта была счастьем, которое впереди.

Мой экранчик не загорелся. Его не задевали мои эмоции. А у той женщины на её экранчике неслись картинки, с такого ракурса, будто она с высоты смотрит... Видимо, женщина

очень сильно боялась высоты... А ведь мы добирались сюда по канатной дороге... А на другом экранчике показывали девушку, она сидела через два кресла от меня... Невысокая, стрижка типа каре... Мне кажется, мы с ней одного возраста, ну тоже типа старшеклассница... Она вспоминала про выпускной вечер, что ли... В общем, там было торжество, радостное и интересное, то, что она сама пережила.

Я стала думать про радость... То, о чём не стыдно рассказать! Ну, например, как у нас Мелочь появилась. Папа его взял по объявлению, уже почти годовалого. Хозяин отдавал Мелочь, потому что думал, что тот породистый, а он, оказывается, метис, пекинесо-спаниель, совсем не выставочный. Сперва мы с папой смотрели объявление, и видео, и фото, а потом по скайпу мне показывали Мелочь... Только он тогда не был Мелочью, его звали Тэффи...

Мой экранчик загорелся. Мелькала рыжая морда Мелочи. Вот папа его из переноски вынимает. А я стою в коридоре, и до меня вдруг доходит, что у меня теперь есть собака. Настоящая. Что мама не против! И на экране было видно, как Мелочь идёт по коридору, и слышно, как лает звонким голосом. И как мы его зовем «Тэффи, Тэффи»... А он вообще не реагирует. И как мама потом говорит: «Звонкий, будто мелочь просыпали...» И он сразу и навсегда наша Мелочь любимая.

Это было очень хорошее воспоминание. Я только не понимаю, почему именно это, оно ведь не самое главное в жизни, не самое важное...

Почему?

На моём экранчике скакала моя любимая рыжая собака. Экранчик совсем неярко светился – бледной рамкой по краям изображения. Чем сильнее воспоминания – тем сильнее энергия. Но я не понимала, как зарядить, как сделать ярче...

Свет опять замигал, в кабинете становилось темно, как перед грозой. Только экранчики мерцали, у кого слабо, у кого очень ярко. Там на них – дорога над водой (вид с высоты), большое официальное торжество (мне кажется, кадры повторялись), очень долгий поцелуй (крупным планом), закат (в Захолустье или в похожем городке, мне кажется, это был какой-то очень важный для этого человека закат). Дальше я не смотрела. Потому что мой экранчик вдруг начал гаснуть – это я отвлеклась от своего воспоминания, полезла в чужие.

Но я же не просто так, я за подсказкой. Мне надо вспомнить... что-то очень хорошее, сильно хорошее. Когда я была счастлива? Ну вот Мелочь у нас в доме... И когда в школе, в театральной студии, мне дали очень важную роль, ту, которую я больше всего хотела. Роль не самая главная, но без этого персонажа вся пьеса рассыпается! Я боялась, что роль отдадут Алёне или Ольге Морошкиной, но... Мне предложили сыграть... и я сыграла... У меня сбылась мечта!

На моем экранчике теперь была сцена, наша, школьная... Генеральная репетиция – зал-то был пустой, я помнила. Репетиция была лучше, чем сам спектакль, публика не меша-

да, никто не шептал, не щёлкал и не светил мобильниками... Мы просто играли ради игры, ради спектакля... Я тогда ещё не знала про того человека, про лучшего в мире актёра... Но мне всё равно было хорошо, у нас всё получалось... Мне казалось, что в этом воспоминании вся радость мира. А экранчик всё равно не очень ярко светился, даже в темноте казался бледным, если с остальными сравнивать.

Свет под потолком пару раз мигнул, но толком не включился.

– Не жалейте себя! Наша память – общая сила!

Это кричала та женщина с чёрными волосами, которая боялась высоты. Только последнее слово было другим, на местном языке, что-то типа «мощь и оружие», но коротко и быстро. Это я сейчас так вот перевела. В общем, она ко всем обращалась, просила самых ярких воспоминаний. И я правда старалась, но больше почему-то вообще ничего не вспомнилось... точнее... то, что я не хотела.

Как папа возвращается после новогоднего корпоратива. Он сильно выпил, мы с мамой обе это знаем. Папа в коридоре спотыкается об Мелочь, и Мелочь так воет, будто плачет... Я подхватываю Мелочь, прямо под мохнатое рыжее пузо, уношу к себе и тоже плачу – потому что я сейчас папу ненавижу, но я уже знаю, что его потом прощу всё равно... И я плачу в собачью шерсть и целую Мелочь в нос. И я не хочу, чтобы другие это видели! Никогда! Я не могу это показать, это слишком моё, внутри...

Я зажмурилась. Я не знаю, исчезла от этого картинка на моем экранчике или нет. Но я закрыла глаза. И сжалась. И поняла, что мне дует по ногам, как в машине, когда папа врубает кондиционер... И мне казалось, что, если я открою глаза, за окном будет утренняя дорога, московские дома... Но были серые сумерки, пустой кабинет. Остальные куда-то ушли, их экранчики погасли...

А на моём были слабые отблески и ничего... ничего интересного: мама моет в коридоре пол. И мало ли, почему она это делает, может, мы с Мелочью с прогулки вернулись с грязными лапами, ну я не знаю...

В кабинет вдруг вошёл Юра, встал рядом, заглянул в мой экранчик. Юра не улыбался, не был похож на себя – того счастливого, на улице, в отблесках Экрана... Он был уставший и совсем обычный, как из моей школы, будто мы с ним сегодня восемь уроков вместе проучились... Я только сейчас поняла, что у Юры очень интересный разрез глаз, такой восточный, японский. Будто он правда из мультфильмов Миядзаки. Но Юра был слишком мрачный для мультфильма. Глянул мне через плечо, помотал головой.

На моём экране был снег. Свежий, холодный... Чёрное небо и белый снег – это мы с Мелочью вышли гулять, в тот же самый вечер... А над соседним домом вставала луна, всё было такое прекрасное, утешающее... И не хотелось папу ненавидеть за его скотство. Ну вот такое я могла бы показать, не стесняясь...

Только, кажется, было уже поздно – экранчик почти не светился, изображение не сильно просматривалось. Юра смотрел не на него, на меня – очень мрачно.

Я понимала, что мне ничего не удалось. Я не смогла справиться со своими эмоциями... Я не знаю, с первого раза у всех получается или нет? Остальные до этого уже пробовали или они тоже первый раз? Я хотела спросить...

– Дым, соберись! Если мы не сделаем, то никто не сделает!

Юра хотел, чтобы я...

Я же сама спросила, можно ли Экран как-то ещё запитать, чтобы надолго хватило? И Юра сказал, что можно помочь Захолустью совсем иначе. Когда отдаёшь не яркие события, а просто память – не очень много, месяца на три, но со всеми-всеми подробностями... Я не знала, способна я на такое или нет... Но свет не загорался, и кричали, и вдали разбилось стекло... И ещё был визг, как шины по асфальту... Я просыпалась...

Я все ещё сидела в кресле, теперь оказалось, что оно автомобильное, что впереди меня – разбитое стекло, белый дым...

И всё. Я не видела больше ни кабинета, ни Юры, ни экранчика, ничего... Я не успела им всем помочь. И я верила, что они на самом деле. И до сих пор верю, наверное. Очень хочется спать, мысли медленные... Я хочу уснуть и снова попасть туда.

Я сильно испугалась, когда мы с папой врезались. Я хочу

отдать этот страх... Я хочу помочь... Я не знаю, почему они на меня так сильно надеялись, но раз так – значит, надо им помочь...

6

– Если мы не сделаем, то никто не сделает! Сколько месяцев ты можешь отдать? Скажи, Дым? Назови цифру, и всё! Я сам всё сделаю, ты ничего не... Эти воспоминания... сколько? Месяц? Два? Три? Ыва... снн... това... ками... ния... ыва! Дым!

Я не понимаю, что Юра мне сейчас говорит.

Во сне понимала, а теперь – нет. Просто набор слов, да ещё и язык чужой, секунду назад казалось понятным, сейчас – уже нет. И с каждой секундой смысл всё слабее, сон всё дальше.

Я просыпаюсь. Я в машине.

Осколки. Дым. Голова болит. И Юры нет. Кто такой Юра? Откуда он?

А папа снаружи. В папу вцепился какой-то мужик, он ударил папу, приложил его о свою машину, у папы кровь на лице... Папа врезался? Кто виноват? Не папа, не папа...

– Девочка, давай, руку мне давай... Девочка, ты в порядке?

Я хочу закрыть глаза. Меня Юра там ждёт... Не помню где. Не помню уже кто... Я сижу на асфальте... На бордюре.

Утро. А почему-то темнеет.

– Как тебя зовут? Ты помнишь?

– Дым.

Я смогла. Я записала.

Глава II

1

Иногда я боюсь смерти. Обычно в этот момент я делаю что-нибудь бесполезное.

Например, сижу в поликлинике под дверью окулиста с за-
капанными глазами. Мобильник у мамы, да и на экране всё

размытое («Вика, береги глаза, Вика, ты мне обещала»). Глаза свободны, пальцы свободны... И мысли свободны, и в них всякая хтонь про то, кто я, зачем я, что я здесь забыла – в поликлинике и вообще в этом мире. И как страшно жить. И про ДТП. И про то, что мы все умрём.

Мы все про это знаем, но не сопротивляемся и тратим жизнь на всякую ерунду. Если я снова попаду в ДТП, какая разница, что у меня со зрением, с какими глазами я умру, со здоровыми или нет. Я вообще-то не хочу умирать – ни сейчас, ни завтра, ни когда-нибудь потом. Но я понимаю, что мне однажды придётся, и мне от этого очень страшно, и, если бы у меня был телефон, я бы спрятала в нём свой страх, спряталась бы в игрушке, в роликах про собак и котиков, статью бы прочитала про то, как по форме лица подобрать форму очков.

С мобильником мне не страшно. А так – страшно. Я сижу в коридоре, смотрю в потолок и плачу, а мама пугается. А я говорю, что это капли из глаз. Мама кивает, кивает. И я вдруг понимаю – она боится, что я увижу её страх за меня. Я опять говорю про капли. И мы обнимаемся. И мир уже не бессмысленный. Он абсолютно нелогичный, потому что объятья не отменяют нашу будущую смерть. Но обниматься приятнее, чем плакать и страдать.

Я теперь часто обнимаюсь с мамой. И с Мелочью. И иногда с папой, если он приходит домой, когда я не сплю. Ино-

гда мы что-то смотрим вместе, я кладу голову ему на плечо. И ничего не понимаю.

Смотреть фильмы – тоже бессмысленное занятие.

Мне бы хотелось так жить, чтобы делать только то, что я люблю. Чтобы оно приносило одновременно удовольствие и пользу. Понятия не имею, что это может быть. Не учёба точно.

Я теперь на домашнем обучении, а на самом деле пока ни на каком. Надо беречь глаза. Ограничивать нагрузки. Но мысли я ограничить не могу.

Папа говорит, что надо взять себя в руки, я же хотела поступить в гуманитарный лицей, и что мне в институт через два года... Что нельзя всё бросить. Он говорит, говорит. А плечо у него большое, жёсткое и тёплое. Я по нему щекой сползаю, глаза сами закрываются. И папа замолкает, встаёт с дивана, на котором мы сидим. Я засыпаю раньше, чем он с дивана весь встает, и раньше, чем из комнаты выходит.

А потом просыпаюсь ночью, и опять мысли – про жизнь и смерть, и про то, зачем мы все... Я не помню, до аварии они были? Мне кажется, были. Но какие-то совсем неглубокие, только про радость и добро, потому что год назад я ничего не знала о смерти. О хрупкой жизни. И полгода назад. И пять месяцев... И даже четыре.

Сейчас середина сентября. Мы вернулись с дачи. Авария всё дальше. Я должна перестать о ней думать. Но она не исчезает. Я всё время вспоминаю про переднее сиденье, про

белый дым за разбитым стеклом. Дым – это я. Я так и не узнала, почему такое имя.

Эта сказка больше не спасает. Я пробовала несколько раз придумать продолжение, как я опять попадаю в этот городок, в Захолустье. Там Экран очень ярко горит, не надо ни о чём беспокоиться, можно просто с Юрой ходить по улицам, на канатной дороге кататься, смотреть, как солнце растворяется в заливе...

Но у меня не придумывалось. Не включалась картинка перед глазами. Я, когда что-то придумываю, это вижу мысленно. А тут – не работало. Так, будто это не было моей личной сказкой. Не было сном.

Но что тогда? Это дежавю? Предчувствия?

Их теперь стало больше. Иногда этих предчувствий несколько штук в день, совсем маленьких и простых. Ну, например, я снова сижу в поликлинике, у кабинета невропатолога, ем банан и вдруг откуда-то знаю, что мне сейчас придёт рассылка из магазина украшений и там будет фраза: «Лето кончилось, скидки остались». Или вот я стою в ванной, пытаюсь вспомнить, когда я зубы чистила – вчера или уже сегодня, и знаю, что сейчас мама войдёт без стука и скажет: «Вика, сходи на балкон, там такое солнце прекрасное».

Мне от этих дежавю немного страшно. Страх щекотный, но почти приятный, как эта... Как такая газировка с кофеином... Я почти не помню её вкус. Я её в последний раз пи-

ла вечером перед аварией, колу, вот! Я про это забыла – как мы сидели с папой на крыльце со стаканами, папа пил пиво, а я колу! Я забыла, о чём мы говорили, забыла про вкус колы и про то, как она называется... Тяжело, когда не можешь вспомнить. И когда вдруг вспоминаешь то, без чего спокойно жила несколько месяцев, тоже тяжело. Жить вообще тяжело... Конкретно мне и сейчас. Жить с дежавю, с предчувствиями...

Но я уже знаю, как обманывать дежавю. Например, не брать телефон, когда в нём уведомление из магазина украшений, подождать, чтобы оно другими закрылось. Или самой сказать маме про балкон и солнце. И тогда предсказанное не сбудется. Может, смысл жизни в том, чтобы обманывать вот это всё?.. Судьбу? Она ловушки расставляет, а я догадываюсь и обхожу.

Не знаю.

Но Захолустье – это не дежавю. Я даже не хочу знать, что это.

Я боюсь догадаться. Вдруг оно правда отгрызло у меня три месяца памяти? Но как? Зачем? И какого чёрта! Это моё время! И оно не бесконечно. Мы же смертны. Я же не знаю, вдруг я мало проживу, может, три месяца – это большой кусок? Да даже если маленький! Я не разрешала... Я не соглашалась. Или соглашалась? А если я хотела Юре помочь и правда помогла, пусть он мне скажет, как именно. А то уже середина сентября, а ничего не происходит...

Я шла с Мелочью из парка и злилась. Ощущение очень дурацкое, будто асфальт под ногами немножко едет. Я двигаюсь, а он тоже, против моего движения. Но не стремительно, как когда кружится голова, а задумчиво...

Мне сейчас было как во время дежавю. Только вот ничего не происходило. Серый асфальт, синее небо, жёлтые листья, серебряные кроссовки, зелёный провод наушников, красный поводок, белый рукав куртки... Всё немного дрожит, будто я не сама смотрю, а на мобильник снимаю, а там этот... ну, размытый режим. Ну этот... это простое очень слово, короткое. А я вспомнить не могу, будто оно не английское, а чёрт знает какое, вообще непонятно, недо... поро... ава... ыва! Тово... ками...

Голуби летели. У меня над головой полетели белые голуби. Я вздрогнула и начала думать нормально, на русском языке... И было страшно очень. Как перед аварией, когда уже ничего не поправить. Только тут...

Я знала, что это случится – не знаю откуда, и знала, что я ничего не изменю.

Голубь ударился о рекламный щит. Остальные улетели, а он упал на проезжую часть. На вторую крайнюю полосу. И я понимала, что его сейчас размажут... и всё... Но я стояла и дрожала. Это в дежавю самое невыносимое – непоправимость. Неотвратимость.

Я стояла, поводок дёргался – Мелочи хотелось бежать

дальше. Голубь лежал там. Ещё живой. И тут на проезжую часть выскочил человек. Я его со спины видела, с оранжевого рюкзака... Большой, высокий мужчина. Он размахивал руками. Визжали тормоза.

Я не должна была смотреть. Но глаза не закрывались, голова не поворачивалась – до боли. Я смотрела на асфальт, а он дрожал, будто в жару... И я слышала гудки, и тормоза, и ещё сигналы машин. Но никто не орал, не матерился, не бил моего папу о бампер...

Тут как-то наоборот было.

– Держи его, мужик!

– Молодца!

Автомобили его объезжали. Он стоял с голубем в руках. Лицом ко мне.

Мне показалось вдруг, что это Юра, только сильно выросший. Я чувала, что сейчас что-то произойдёт... То, что я видела во сне. Или ещё увижу.

Но человек с оранжевым рюкзаком просто перешёл с проезжей части на тротуар. Он держал голубя у груди и гладил. А голубь был белый, крупный. Наверное, из той голубятни за гаражами. Остальные голуби над ней сейчас кружили, становились от солнца то синеватыми, то серебристыми. А этот сидел у человека на руках. И человек его понёс туда, к голубятне. Мне кажется, он был просто прохожий, не владелец. Я хотела об этом спросить. И ещё спасибо сказать. Но, оказывается, я не знала, какие для этого нужны слова. У меня в

голове были совсем другие... Непонятные.

Смысл жизни в том, чтобы понимать, кто ты и что с тобой происходит. Говорить с другими. Понимать, что они тебе говорят. Я сейчас боялась проверять, что я могу, а что нет. Я стояла, смотрела на голубя... У меня что-то болело, но я не понимала, что именно... Голова? Глаза изнутри. Приду домой, лягу и буду смотреть темноту.

Человек с рюкзаком подкинул голубя в небо. И тот сразу влетел в стаю, начал кружить среди других серебристо-белых в синем небе... Глазам больно! Закрываю лицо ладонями. Плывут горизонтальные тёмно-оранжевые полосы...

– Дым, ну как ты?

Дым – это я. Но... не здесь. Меня окликает... Юра!

2

Пионы, астры, георгины, гладиолусы. А ещё подсолнухи – огромные, выше нас. Город Захолустье был сейчас похож на осенний букет. Яркий, как для натюрморта. Тут росли непривычные клёны – тощие, с мелкими листьями. Листья были сплошь красными, но такими же пятиконечными. Они ложились на тротуарные плитки и прижимались к ним. Похоже было на отпечатки ладоней. И на звёзды.

Осень. Звёзды падают.

Воздух жаркий и горький, как от дачного костра. Совсем не московский, уже знакомый по предыдущему сну про За-

холустье. Я снова чувствовала запахи. В других моих снах этого не было, даже в самых необычных. А ещё у меня сейчас совсем не болела голова: я шла, потом мы бежали, Юра смеялся, я громко говорила, маяк гудел, флюгер в чужом саду трещал, цветы были яркие и пахучие – и это всё было нормальным, не раздражало. Не хотелось закрыть ладонями уши и заорать «нет!». Я могла этому просто радоваться. И я радовалась.

Я сейчас не гадала, что это вообще – сон, другая реальность или мультик, в который я почему-то попала. Надо было не удивляться, что время тут по-другому идёт и что Юра сейчас старше, чем раньше. Не сильно. Всё-таки четыре месяца прошло. Тогда у меня был июнь, а сейчас сентябрь.

По розовым плиткам тротуара бежит Мелочь, гоняет листья, рыжим хвостом вертит, сразу во все стороны... И раз Мелочь здесь – всё в порядке. Безопасно.

Я только не помню, как мы сюда попали.

– Пойдём скорее домой, Дым. Тебя дома ждут.

– Кто?

– Ну мама, вообще-то...

Ой. Так. У меня здесь что? Другая жизнь? Другая семья? Это какой-то сверхсложный сон. Столько деталей, и вообще. Ну сейчас не важно. Я слишком рада, что Юра меня нашёл. Забрал меня и Мелочь. Он совсем не удивлялся собаке.

– Дым, ну пойдём! Поужинаем!

Я хотела сказать, что рада его встретить. А спросила сразу о важном.

– А ты куда в тот раз пропал, у канатной дороги? А потом появился сразу у Экрана. Ты перемещаться умеешь?

– Нет. Я поехал в другой кабинке. Я работаю в группе сопровождения, помогаю тем, кто не может добраться сам. У кого нет физической возможности. Я видел тебя в стекло. Между нами была разница в три кабинки. Я понятно объясняю или надо лучше?

Я не все слова понимала прямо сразу. Поэтому казалось, что Юра... Юре казалось, что я туплю. Нет, я просто переводила на русский, мысленно. А потом щёлкнуло – как в ушах щёлкает, когда самолет меняет высоту, и всё стало понятно, я всё понимала и отвечала легко.

– Понятно-понятно. Юра, ну пошли, конечно, я такая голодная, ужасно... Мелочь, фу! Не тяни!

Мелочь натягивал поводок, ему хотелось раскопать что-то в листьях и это немедленно сожрать. Я его понимала, мне тоже хотелось есть, голова уже кружилась.

– Тогда давай быстрее. Мама сказала, без нас ужинать не сядет. Дым, может, мне его на руки взять?

Юра показал на Мелочь. Тот копошился в листве, не хотел никуда идти. Даже рычал. Такой суровый боевой пекинесо-спаниель. Но Юра его подхватил на руки, ловко, будто Мелочь – его собака. И грозный рык прекратился.

Мы побежали. Я в реальной жизни так быстро совсем не

могу, голова начинает ныть...

– Юра, нам долго ещё?

Он ответил, но я не услышала. На той стороне улицы завопила женщина. Я сразу её узнала – худая, с длинными чёрными волосами. Только сейчас волосы были спутанные, а сама женщина – грязная, в мятом длинном платье... В прошлый раз, на канатной дороге и у Экрана, она была чище, но вопила так же сильно.

– Слушайте! Надо любить землю, по которой идёшь... Мы все должны...

Мне казалось, что я опять забыла язык. Встала, начала женщину разглядывать. Юра тоже остановился. Я спросила, кто это.

– Её зовут Тьма. Она каждый раз после Экрана дурная... Эмоции набежали, а девать их пока некуда... Скоро наорётся и успокоится. Тихо ты!

Это Мелочь в ответ на крики начал рычать и вырываться...

– Пошли уже! Знаешь, что мама на ужин приготовила? То, что ты любишь.

Откуда мама Юры знает, что я люблю на ужин? Может, я вселилась в тело другой девушки? Её зовут Дым, она с Юрой давно знакома и даже ходит к нему в гости... Пока непонятно. Но интересно...

Мы не бежали, просто шли, довольно быстро. И женщина по имени Тьма кричала уже далеко, неразборчиво. Но мне

казалось, что я эту Тьму ещё много раз встречу и это всегда будет не очень приятно. Под ногами мелькали алые звёздочки листьев, липли к подошвам... Обувь и одежда были другими, не мои серебряные кроссовки, а белые туфли с ремешками, и не куртка и джинсы, а платье, длинное. И в прошлый раз тоже так было с одеждой – я только сейчас вспомнила.

Мы шли недолго. Мне казалось, что я знаю эту дорогу – улица поведёт вниз, потом надо по каменным серым ступенькам, по деревянному мостику через ручей, потом мимо зелёной лужайки... Там пасётся белая лошадь, сама по себе. Потом опять улица, дома такие же аккуратные, маленькие, но не яркие, а сероватые. Может, потому что солнце стало куда ниже? Скоро загорится Экран, я знаю. Надо успеть до-мой пораньше.

Светились огоньки, в одном доме на первом этаже была яркая длинная витрина и горела вывеска с распахнутой книгой... Надпись. Не все буквы сразу складываются, не сразу слово вспоминаю... Книгоубежище. Это значит – библиотека.

Мне кажется, что там тихо, прохладно, пахнет книгами и старым деревом... Мне хочется зайти туда прямо сейчас, но Юра тянет меня за руку. Я не могу останавливаться, нас ждут – во сне часто бывает, когда ты куда-то спешешь и всё никак не можешь попасть. Я испугалась, что и сейчас так будет. Я зайду в библиотеку, меня что-то задержит, я не попаду к маме... Я до сих пор не поняла, чья это мама... Юрина?

Хорошо, что Юра взял меня за руку. Я никуда не денусь. Даже если его руки слишком тяжёлые... Нет, другое слово. Твёрдые? Сильные? Крепкие?

Мы шли дальше, я уже знала, куда сворачивать, – там дорога вела немного вверх. Каменные плиты, красивые кованые ворота, сбоку белая лестница... Коврик на нижней ступеньке крыльца, на одном столбе вертелся флюгер, на другом сидела белая гипсовая жаба. Большая, больше Мелочи. Он, кстати, на жабу начал лаять. Юра его погладил, и тот быстро перестал. Я не умею так стремительно успокаивать собаку. Мелочь любит поворчать, сразу не замолкает. А тут как игрушечный стал. Может, он...

– Ой, ну наконец-то!

Дверь мягко открылась, колокольчик звякнул, на крылечко вышла женщина. Очень странная. Невысокая, в светлых кудряшках... Нос широкий, губы большущие, глаза очень выпуклые, ресницы и брови светлые... Такое лицо... Как у африканки-альбиноски. И даже кудряшки такие же. Только совсем белые. Не седые, нет... Просто очень светлый цвет.

Меня что-то смущало.

– Хорошо добрались? Не замерзли? Юра, сегодня ветер такой, а девочка в одном платье...

Платье!

Я пошла в парк в джинсах, худи и куртке с капюшоном. Такой московский сентябрь, ну? А сейчас на мне платье.

Летнее, длинное, зелёное в оранжевых цветах. Ой, нет, это апельсинки... Красивое, очень лёгкое платье. Оказывается, в нём холодно. Даже в доме, когда мы в него, наконец, вошли.

Тут здорово пахло. Цветами, пряностями, свечами и жареной рыбой. Я люблю рыбу больше всего на свете. Любую, даже варёную из школьного супа. Я из-за рыбы была популярной на продлёнке. «Это та самая Вика, которая может съесть всю варёную рыбу».

А эта рыба была жареная, какая-то совсем невероятная даже на запах... И на вид. Мы быстро сели за стол – он был почему-то треугольный, со светлой полотняной скатертью – довольно большой стол. Каждый, сидя за своей стороной этого треугольника, мог руки раскинуть и другого бы едва коснулся.

Юра спустил Мелочь на пол. И теперь, разумеется, подкидывал ему кусочки – и Мелочь всё мёл так, будто его неделю не кормили. И я, вообще-то, тоже. Подкидывала и мела.

В реальной жизни для меня сейчас почти вся еда никакая. Из-за лекарств вкус почти не различаю. Где сладкое, где солёное – мне вообще не важно. Обычно я смотрю на тарелку и думаю, что вот, надо вилку взять, а потом рот открыть, а потом жевать, а потом глотать. И это всё как-то ужасно трудно... В общем, мне есть не хочется, потому что тяжело. А сейчас – нет, нормально. Как раньше.

Как будто я много раз уже сидела за этим столом, ела рыбу с чем-то вроде розовой маринованной капусты, пила из

глиняной кружки что-то вроде вишневого компота, слушала разговор Юры и мамы... Его? Моей? Вот оно что!

Она не была похожа ни на кого из нас! Может, мы у неё приемные? Мы же оба вот не альбиносы совсем? Юра больше похож на японца, мне кажется.

– Как дела? Дым, что у тебя новенького?

– Мама, ну дай ты ей поесть, а?

– Ну мне же интересно. Что расскажешь, Дым? Где была, что видела?

Я не знала, что ей сказать. Про свой мир? Была у окулиста, видела первые три строчки, после аварии зрение сильно хуже стало?

– Видела Тьму!

– Она вам велела мир спасти, да, дочка?

Я кивнула – мне было некогда отвечать, с такой-то рыбой!

– Ох, Юра, боюсь, как бы она нам весь праздник не испортила...

Я подавилась, потом спросила у Юры, почти шепотом:

– Почему она может испортить?

– Тьма любит приходить на такое... эмоций нахватается и бежит скорее сдавать! Фурсишка...

Юра что-то похожее сказал. Ну как «воришка» или «пьянчужка». Это те, кто зависят от Экрана... От сдачи эмоций. Одни так любят сдавать, что не в силах остановиться. Другие не хотят помнить свою жизнь и всё время сдают воспоминания, чтобы те побледнели, не мешали жить дальше...

Наверное, разные аварии и несчастные случаи тоже можно вот так сдать? Мне теперь казалось, что рыба очень острая, а компот приторный, как сладкая вата...

– Несчастливая она женщина, Юра. Не осуждай, такую жизнь прожить и не сойти с ума... Ох... Да всё хорошо будет, найдём управу... Дым, ты совсем бледная... Дочка, ты что? Давай-ка посиди спокойно... В кресло садись, ближе к окну.

Я только сейчас обратила внимание на обстановку. На стенах книжные полки, картины... Одна из картин – совершенно белая. Может, это как наш «Чёрный квадрат», только «Белый прямоугольник»? Был рассказ у Герберта Уэллса, не помню названия, мы его отыгрывали в театралке, там один художник случайно нарисовал дьявола, тот заговорил, художник испугался и закрасил картину, оставил только белый прямоугольник... Ну-ну... Вот сейчас на этом белом прямоугольнике проступит красный глаз, а потом меня спросят про самое заветное желание... Чтобы не было аварии.

Я отвернулась. Сперва в тарелку посмотрела, потом на другие картины.

На остальных стенах висели натюрморты с фруктами и цветами, портрет какого-то младенца с белыми кудрявыми волосами... Мама в детстве? И ещё море и маяк, кажется... Такая приторная живопись, как у художников на курортном бульваре...

У окна большое кресло, на подлокотнике плед или боль-

шой платок, на вид очень мягкий и тёплый, узор с какими-то цифрами...

Я вылезла из-за стола, села, в плед закуталась. Стало понятно, что я так много раз уже делала, ощущения очень знакомые... Я знала, что у меня за спиной в обивке кресла есть пружинка... и надо сесть так, чтобы она спины не касалась. И что правый подлокотник более потёртый, а на левом есть отметина – тёмный кружок, след от очень горячей чашки... И что сейчас, когда я поудобнее сяду, Мелочь прыгнет ко мне на колени. А Юра подойдёт, присядет на подлокотник, и можно будет протянуть ему руку, чтобы он не терял равновесия...

– А пирог с орехами кто будет есть? Я для кого пекла, скажите мне, пожалуйста? Для собаки? Отлично. Собака, иди сюда, я сейчас тебе...

Голос мамы... всё-таки, наверное, Юриной мамы... убаюкивал... Она не ругалась, она радостно ворчала. Я слушала... Но не её, а себя.

Кресло. Уютно и хорошо. Часы тикают. Можно просто быть собой. Даже не важно, кто я сейчас – Дым или Вика...

Мне было очень спокойно. Особенно из-за звука часов. Я сперва думала, что часов... Но их не было. Звук шёл от экрана. Шорох? Шёпот.

– Это что там на стене? Экран?

– Это передатчик. Транслирует тепло большого Экрана.

Юра шепчет, а потом берёт меня за руку... Мне кажется,

что экран становится чуть ярче. Будто мы его нагреваем своими прикосновениями, и разговорами, и даже мыслями...

Мелочь лёг у моих ног и начал чесаться, звякая жетоном-адресником. Экран засиял, я прикрыла глаза...

3

– Вика? Викуша, ты спишь?

Я дома. Диван, потолок. Закат на обоях.

Мама пришла с работы.

Я помню, как вернулась из парка и сразу легла спать. В куртке.

Вон на полу кроссовки. Вон Мелочь бегаёт в ошейнике и с немытыми лапами. Вон на полу листья, жёлтые берёзовые и ещё какие-то узкие, тоже жёлтые, – это из парка. И маленькие красные, как будто кленовые, похожие на звёзды. Из Захолустья.

Это как?

– Вика, ты же дверь входную вообще не закрыла, ты что! Ты как? Хорошо, что никто не вошёл. Господи, да что же с тобой делать-то теперь? Вика? Ты меня слышишь вообще? Вик, это я, мама твоя.

Там мама. И тут мама. Обе настоящие. А где настоящая я?

Глава III

1

Когда я сижу дома, как будто ничего не произошло. Днём мама в музее, папа в офисе. Вечером мама на кухне с план-

шетом, а папа в их спальне, перед экраном... Это обычный плазменный, папа на нём спорт смотрит или играет.

Но меня теперь слово «экран» радует. Я улыбаюсь, как раньше, когда встречала упоминание того... французского певца, артиста? Не помню вообще. И не понимаю, почему мне так нравились его записи. Я же ни одного слова не понимала, я вообще не учила французский... Просто красиво было, и вот это всё. А теперь попробовала послушать – и упс! Никакого счастья. Слова тянутся, тянутся, как сыр на слишком размороженной лазанье. Тёплый, противный, безвкусно бесконечный. С этими песнями вот так. Артист совсем мимо меня.

Мне папа предложил:

– Хочешь в декабре в Крокус Сити Холл? Этот твой опять придет. Любые билеты, хоть в партер.

Я не хотела. Я даже не посмотрела, правда приезжает или папа напутал. Потом контекстной рекламой принесло. Партер от тридцати пяти тысяч. Папа совсем... Теперь я знаю, сколько стоит папина вина.

Извиняется так? Не понимаю и понимать не хочу. И на концерт не хочу. Только в Захолустье.

Теперь мне спокойнее ждать. Я знаю теперь, что оно на самом деле есть. Я поняла, как это работает. Сперва дежавю начинаются. Понемногу. Вот когда папа про билеты говорил, я знала, что он предложит. Прямо фразу заранее. «Хочешь в декабре в Крокус Сити Холл? Этот твой опять придет.

Любые билеты, хоть в партер».

Мне так важно было, что я это угадала, поэтому я до смысла слов не сразу дошла. Раз предчувствие сработало, значит, скоро опять в Захолустье позовут. Я ходила, улыбалась и искала знаки. И находила.

Предчувствие сработало в тот же день.

Такое дикое сочетание звука и картинки, когда еле успеваешь подумать «ну что за чушь». И потом вспоминаешь, что ты именно эту чушь уже раньше видела, в той же комбинации и именно так про неё и думала. И сразу же знание о том, что произойдёт через секунду.

Вот сейчас случилось именно это.

Я стояла на первом этаже у лифта, смотрела на экранчик, где цифры показывают, на каком этаже сейчас лифт... И вдруг поняла, что сейчас будет... Бредятина какая-то.

Жёлтый миньон на синем фоне и фраза «Движение вверх». А потом сразу Захолустье.

Я рада, что это сейчас произойдёт. Но где мне взять миньона? Откуда?

– Здравствуйте!

Я оборачиваюсь. Не здороваюсь. Смотрю на соседа. Это совсем мелкий пацан, он ещё в началке. Я не помню, как именно его зовут. Антон? Артём? Андрей! Точно. Его ещё так смешно родители звали, Андрей-Андроид.

Этот мелкий Андроид стоит передо мной в синих кроссовках и синих носках с миньонами. Жёлтый узорчик на си-

нем фоне. Мы входим в лифт, я смотрю на миньонов, даже не понимаю, что меня Андреев рюкзак по плечу задел, это вообще не важно.

– А вам какой этаж?

– Не помню...

Я помню, где кнопка моего этажа, тыкаю туда на ощупь.

И тут звучит женский голос в динамике, это у нас лифт так прокачали за лето, я всё время забываю про автоответчик и про бодренькую музыку в динамиках.

– Движение вверх. Едем на шестой этаж!

Нормальное объяснение всей этой дичи. Но я знала, что так будет. И я знала, что потом Захолустье. Вот прямо сейчас. Дойти до квартиры и лечь. Или хотя бы сесть в коридоре на табурет. И глаза закрыть, потому что голова очень кружится...

– До свидания!

Это что? Кто? Андрей. Андроид. Он едет выше. Зачем он разговаривает? Отвлёк... к черту его. Ключи трясутся, потому что руки дрожат...

2

– Я вас прошу, немного, кто сколько может, собратья...

О, это Тьма голосит! Всё, отлично, я уже дома...

Тьма сейчас чистенькая, не лохматая. Обычная тётка в очень пёстром перекошенном платье... Только расцветка ка-

жется странной, как будто рукава от одного платья, а юбка из двух других сшита, ей такое не идёт...

– Кто сколько может, помогите, пожалуйста...

Это набережная, возле пирса, где очередь к канатной дорожке. Я сижу на скамеечке, она полукругом, буквой «С», такая белая, тёплая. Волны рядом, маяк гудит, буксир кричит. У меня в руках билет на канатную дорогу.

Скоро всё сдам, всё противное. Будет хорошо-хорошо. Всё плохое станет немного ненастоящим, как сквозь плёнку. Что у меня плохого?

Можно подумать про школу. Про то, что я по дому ничего не могу делать. Мелочь сегодня полез с грязными лапами в мамину постель. Я вчера пельмени поставила и уснула, хорошо, что папа дома был, пришёл на запах гари. Меня бесит папа. А я его тоже бешу, я знаю...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.